

Эд Макбейн
Моя смерть
Серия «Курт Кеннон.
Рассказы», книга 5

*OCR Сайт любителей приключений: <http://rraymond.narod.ru/>
<http://mysuli.aldebatan.ru>
Оригинал: EdMcBain, "The death of me"*

Содержание

Курт Кеннон (Эд Макбейн)

Моя смерть

Когда заканчиваются все деньги, у тебя не остается выбора. Из дешевого отеля ты перебираешься в ночлежку, затем в темные подъезды и в итоге ты, нью-йоркский ковбой со скамейкой вместо лошади, заканчиваешь парком. Это не так уж плохо в теплую погоду. Ты свернулся калачиком, в ночи тебя укрывает звездное одеяло, и бетонные надгробия городских небоскребов тянут над тобой неопрятные пальцы, царапая темную завесу, окружающую замусоренный клочок травы, на котором ты лежишь. Когда погода начинает меняться, ты запихиваешь старые газеты под пиджак, утепляя грудь. Ты оборачиваешь ими ноги под штанинами, и это помогает переносить холод. Но газеты не слишком-то защищают от дождя.

Ты лежишь на скамейке, а непрекращающийся морозящий дождь мочит тебя, и, совсем замерзнув, ты думаешь: «Полюбуйтесь-ка, это – Курт Кеннон», – и от этой мысли тебе становится слегка тошно.

А затем ты просыпаешься однажды утром, и тебя окружает осень. Деревья в багрянце и золоте, листья их трепещут на фоне бетонных стен, как бесприютные призраки, и ты обнаруживаешь, что ты мертв.

В мусорную урну была засунута газета. Я обратил

на нее внимание, потому что в подошве моего ботинка протерлась дыра величиной в полдолларовую монету, а из «Дейли ньюс» могла выйти хорошая затычка. Я выхватил газету из урны, сел на скамейку, снял правый ботинок и тут мне в глаза бросился жирный черный заголовок на четвертой странице. Он поразил меня, и вначале я подумал, что это случайное совпадение, но когда я начал читать, замешательство сменилось холодной яростью.

КУРТ КЕННОН УБИТ

Курт Дж.Кеннон, бывший частный детектив, который в прошлом году был лишен лицензии из-за того, что жестоко избил рукояткой пистолета любовника своей жены, найден мертвым позавчера в полдень в подъезде отеля «Санрайз» в Бауэри. Полиция установила, что смерть наступила в результате шести выстрелов из оружия сорок пятого калибра с близкого расстояния в лицо Кеннона. Его опознал владелец отеля Эвери Свеннет главным образом по личным вещам, найденным на покойном. Расследование зашло в тупик...

Там были и еще подробности, но я не стал вникать в них. Известие прожгло меня – до самых дыр в ботинках. Свинья Свеннет опознал тело. Неудивительно для такого чудика, как он. Свен носил бифокальные очки, а опознать бродягу по его личным вещам – то же са-

мое, что распознать Сахару по одной песчинке. От этого дурно пахло. Одно дело – находиться поблизости от смерти, и совсем другое – быть объявленным мертвым, когда ты в действительности жив и еще брыкаешься.

Я разорвал газету, заткнул оба ботинка и затем направился в Бауэри к Свеннету.

Он был поражен, увидев меня. Его лицо побледнело, руки, лежавшие на стойке, задрожали... Он оглянулся, словно искал помощи, затем с трудом сглотнул и уставился на меня сквозь толстые стекла своих очков.

– Привет, свинтус, – сказал я.

– Курт... Я... ты...

– Я мертв, не так ли, свинтус? Ты опознал меня по моим личным вещам. По каким же это вещам, сукин сын...

– Курт...

Я перегнулся через стойку и сгреб его за грудки. Капли пота скатились с лица Свена в открытый ворот его рубашки.

– Что за бред, свинтус? Ну-ка растолкуй мне, а не то я вобью твои очки тебе в глотку...

– Я думал, что это был ты, Курт. Богом клянусь, я думал...

– Я выехал из этого клоповника три месяца назад.

– Знаю, Курт. Но парень был так похож на тебя...

– Что бы я стал делать в твоём кишасщем тараканами подъезде?

– Да откуда мне знать, Курт? Копы спрашивали меня...

Я подтянул его ближе, прижав брюхом к стойке:

– Правду, свинтус!

– Поверь мне, все так и было, Курт. В подъезде лежал жмурик, и копы выпытывали, знаю ли я его. Я спустился и просмотрел всю ту дрянь, что они выудили из его бумажника. Там был и носовой платок с буквой «К» в углу. Я решил, что это ты, Курт. Я мог ошибиться. Парень был в подъезде...

Я выпустил его воротник и дал ему пощечину. Жирное тело задрожало, а глаза Свена расширились от страха.

– Правду, сукин сын! Всю, как есть. Если будешь и дальше врать, то станешь следующим парнем, которого они найдут в подъезде.

Теперь Свен дрожал весь с головы до ног, и к запаху испарины прибавился запах страха.

– Хорошо, Курт.

– Ну так...

– Этот парень... Этот парень пришел ко мне...

– Какой парень?

– Я никогда не видел его до этого, Курт. Приезжий. Злобный тип. Голубой пиджак в мелкую полоску. Маленькие усики. Я никогда не видел его до этого. Он не

похож на кого-нибудь из пьяниц, Курт.

– Слушаю.

– Он пришел с пачкой денег, которой могла бы подавиться лошадь. Он сунул пачку мне под нос и сказал: «Покажи Кеннона и пачка твоя». Я никогда его прежде не видел, Курт.

– Сколько там было?

– Около трех тысяч. Хороший кусок зелененьких.

– А ты?

– Я спросил его, зачем ему нужен Кеннон.

– Врешь, Свен.

Он опять задрожал:

– Ну, ладно. Я не спрашивал его ни о чем. Он ушел и сказал, что придет позже, и я должен буду указать на Кеннона. Он хотел знать, как отсюда попасть на угол Сорок седьмой улицы и Бродвея. Я объяснил ему и был уверен, что он не найдет тебя. Три куска зелененьких...

– А что случилось, когда он вернулся?

– Я прикидывал и так и эдак. Когда фраер вернулся, я, конечно, пообещал показать ему Кеннона, то есть тебя, спустился к пьяницам, которые ошивались в моем подъезде Бог знает сколько, указал на одного из них и сказал, что это Кеннон. И тут же быстро ушел.

– Грязный ублюдок, на кого ты указал?

– На какого-то бродягу. Кто его знает? Одним больше или меньше... Курт, три куска зелененьких...

Я размахнулся и воткнул кулак на три дюйма в живот Свена.

Он отлетел к стене, его лицо побагровело.

– А почему ты сказал копам, что это мое тело?

Свен перевел дыхание.

– А как же мне было удержать денежки? Этот... этот парень – страшно злобный. Пришлось идти до конца...

– Знаешь, что я собираюсь сделать?

– Ч-что, Курт?

– Собираюсь найти парня, который хотел убить меня. Я собираюсь его найти и объяснить, что ты указал на другого. Я собираюсь сделать из него отбивную и затем послать его сюда.

– Курт...

– Пока!

И я оставил у стены эту жалкую гору из костей и трясущегося жира с вытаращенными глазами. Быстро миновав темный подъезд, я вышел на солнце. Оно ослепило меня, и я заморгал. Длинный темный «бьюик» припарковался у обочины. Передняя его дверца открылась. Здоровенный парень в зеленой спортивной куртке вышел на тротуар и направился ко мне. Под мышкой у него была заметная выпуклость, и эта выпуклость сулила неприятности. Я начал переходить на противоположную сторону улицы.

Он быстро прошел вперед и поравнялся со мной. Сначала я решил, что это шпик, а я не хотел никаких

неприятностей с копами после убийства в подъезде Свена и поэтому продолжал шагать, не поворачивая головы.

– Я повторять не буду, Кеннон, – прошептал парень. – У меня под мышкой – тридцать восьмой, и я знаю, как им пользоваться. Если ты сделаешь еще шаг, – отправишься кормить червей.

Я остановился и повернулся, чтобы взглянуть на него. Это был верзила с бычьей мордой, усеянной веснушками. На глазах – темные очки, и я угадал в нем наркомана, но, вполне возможно, что у него были просто больные глаза.

– В чем дело? – спросил я.

– Поворачивайся и иди к «бьюику». Тридцать восьмой пока еще сдерживается, не серди его. Потом поговорим.

– Что ж, козыри у тебя на руках, – сказал я.

– Пики. Пошевеливайся, Кеннон.

Я подошел к «бьюику», и верзила открыл передо мной дверь. Я сел на переднее сиденье, взглянув на тощего водителя, который даже не повернул головы в мою сторону. Верзила уселся справа от меня и, как только он захлопнул дверцу, машина тронулась с места.

– Ну как, сыграем сейчас или позднее? – спросил я.

– Расслабься, – ответил верзила.

И все. Но что-то в его голосе подсказывало мне,

что мы едем не на прогулку со стрельбой. Я откинулся и расслабился. «Бьюик» катил, пробираясь сквозь утренний поток машин. Мы свернули вправо, на Бродвей, миновали верхнюю часть города и наконец остановились перед особняком на Восточной тридцать третьей.

– Приехали, Кеннон.

Верзила открыл дверцу, и я последовал за ним на тротуар. Водитель встал справа от меня, и мы вместе поднялись на крыльцо. Водитель позвонил – два коротких и один длинный – дверь отворилась.

– Наверх, – скомандовал верзила.

Мы поднялись по внутренней лестнице. Третий парень встретил нас на площадке первого этажа.

– Легавый? – спросил он.

– Да, – отозвался водитель.

– Чарли ждет. Идите скорее.

Они подвели меня к последней двери в коридоре, открыли ее и пропустили вперед. Комната была прекрасно обставлена – множество обтянутых кожей стульев и накрытый кожей стол. Стены от пола до потолка закрывали шкафы с книгами в богатых переплетах, сплошь покрытые пылью. Человек с пепельными волосами и сигарой во рту сидел за столом. Перекатывая сигару во рту, он внимательно изучал меня. Я не смотрел в его сторону. Я смотрел на блондинку, которая расположилась в кожаном кресле. Она была одета в шер-

стяное платье, которое начиналось с шеи, переходило на богатые округлости груди и обтягивало талию. Она сидела, поджав под себя ноги, и колени выглядывали из-под подола. Она сбросила туфельки, и они покоились на полу. Голову она слегка склонила набок, и белокурые волосы спадали на щеку. Глубокие карие глаза сонно смотрели на меня.

– Кеннон? – спросил мужчина за столом. Что-то неприятное было в его голосе, словно его раздражал мой слишком заметный интерес к блондинке.

– Кеннон, – ответил я.

– Чарльз Семмлер.

– Я думал, что вы еще все на Рикерс-Айленд, Семмлер.

Его глаза сузились, рот сжался, затем он расслабился и улыбнулся:

– Вы знаете меня, не так ли, Кеннон?

– Знаю. Сколько детей вы развратили на этой неделе?

– Не дерзи, Кеннон. Я оказываю тебе любезность...

– Небольшая прогулка в машине? Большое спасибо за нее.

– Этот бродяга, которого нашли с дыркой в голове, – им мог быть ты.

– А бездельник в мелкую полоску – один из твоих мальчиков?

– Нет. Он приезжий. Его имя Бак Графтон. Это тебе

Что-нибудь говорит?

– Нет.

– Ну, а Бенни Мэллоу?

– Уже теплее. Значит, все это связано с ним?

– Ты точно помнишь Бенни?

– Конечно. Я дал показания, из-за которых его отправили в тюрьму. Пять лет назад. Так это все связано с ним?

– Бенни все еще тянет срок. Бак Графтон нет. Бенни попросил его повидать тебя.

– И мертвый бродяга в подъезде...

– Подарок от Бенни.

– Чудесный подарок.

– Верно. Он должен был быть еще чудеснее, но достался не тому.

– Над этим стоит подумать... Что тебе надо от меня, Семмлер?

– Одолжение.

– Я думал – это ты мне делаешь одолжение.

– Ну тогда взаимное одолжение. Может получится очень мило.

– Слушаю, – сказал я.

– Отлично. Так вот, Графтон и не узнает, что попал впросак. Он не будет больше искать Кеннона. Он отправится обратно к Чи Суну. Если, конечно, не узнает, что ты все еще жив...

– Ну и?

– Он может обнаружить это очень легко.

– До сих пор я ничего еще не услышал.

– Есть парень, которого мы хотим убрать с дороги.

Он находится в Бауэри. Если я пошлю кого-нибудь из своих, они не смогут до него добраться. Ты не прогадаешь, сделав это дело. А кроме того, мы ручаемся, что Графтон отправится на следующем самолете к Чи Суну...

– Кто этот парень, которого нужно убрать?

– Ты не знаешь его.

– Почему ты хочешь устранить его?

– Это мое дело.

– Отлично. Оставим это. Мне ни к чему знать лишнее...

– У тебя нет выбора, Кеннон.

– Нет? А с чего ты решил, что я испугаюсь Графтона?

До того, как вы схватили меня, я шел к нему. Рано или поздно он обнаружит, что я все-таки жив, так ведь? Я сам скажу ему об этом.

– Может быть, к тому времени, как ты соберешься сказать, ты уже не будешь таким живым...

– Стало быть, так?

– Стало быть, так. Это означает: Курт Кеннон уже мертв. И у полиции достаточно хлопот и без того, чтобы разбираться, откуда появился другой труп Кеннона. Мы же ничего не теряем. К тому же копы не очень-то интересуются мертвыми бродягами.

– Ты, должно быть, держишь меня за дурака, Сем-млер. Допустим, я соглашусь убить нужного вам человека. Но что помешает мне, выйдя отсюда, бросить все к черту?

– Не глупи, Кеннон. Бауэри не так велик, да и мир тоже тесен. Я могу послать десять человек, и они доставят тебя через полчаса.

– Если десять парней такие крутые, почему ты не пошлешь их к этому типу?

– Он знает всех моих мальчиков. Им не удастся незаметно его выследить.

– Но у тебя есть мальчики за пределами города?

– Они не годятся для серьезной работы.

– А как насчет Бака Графтона? Он уже, похоже, замаран – все время катается, убивая людей.

– Он не подходит.

– Почему?

– Это мое дело.

– Когда ты просишь меня убить кого-то, то это тоже мое дело. Почему Графтон не может сделать эту работу для тебя? По-моему, он-то как раз подходит.

– Графтон работает на синдикат Чи. Я не хочу, чтобы кто-то со стороны стрелял на моей территории. Это будет плохим примером. К тому же, он не знает Бауэри так хорошо, как ты.

– Да, у тебя сложное положение.

– Что ты хочешь сказать, Кеннон?

– Хочу сказать, что не работаю на подонков.

Наступила мертвая тишина. Лицо Семмлера побелело, он уперся пальцами в крышку стола. На его лице проступила ярость, и я стал прикидывать, что сейчас произойдет.

– Bravo! – послышался возглас.

Я быстро обернулся.

Блондинка не без труда выбралась из большого кожаного кресла. Когда она наконец опустила ноги вниз, ее шерстяное платье задралось до бедер. Она одернула его и прошлась по комнате. И я увидел, что она пьяна в стельку. Подойдя ко мне, она остановилась в нескольких шагах, неуверенно покачиваясь.

– Bravo! – повторила она. – Мне нравятся настоящие мужчины, – идохнула мне в лицо алкоголем.

– Заткнись, Шейла, – прикрикнул Семмлер.

– Заткнись сам, – огрызнулась она.

Семмлер вскочил, мгновенно обогнул стол, подскокил к блондинке и замахнулся. Я двинулся было вперед, но слишком поздно. Он влепил блондинке пощечину. Девушка покачнулась и упала на пол, а Семмлер встал над ней, и его рука заработала, как коса, нанося девушке одну пощечину за другой. Девушка кричала и пыталась поползти в сторону. Ее платье опять задралось, обнажая длинные стройные ноги и подвязки ее шелковых чулок. Семмлер вновь занес руку, но я шагнул и перехватил ее, не давая ударить. Дернув в сто-

рону, я заставил его покачнуться, но он внезапно сунул свободную руку под пиджак. Увидев в руках Семмлера маленький черный тридцать второй, я тут же отпустил его.

– Ты играешь не на той стороне, Кеннон, – сквозь зубы процедил он.

Девушка захныкала. Она так и лежала на полу с задравшимся до бедер платьем, из-под которого выглядывала кружевная полоска трусиков.

– Чарли... – начала она.

– Заткнись, Шейла. – Семмлер навел на меня револьвер. – Что скажешь, Кеннон? Я жду ответа сейчас же. Правильного.

Когда человек навел на тебя ствол и в его глазах горит жажда убийства, существует только один правильный ответ. Почему-то в такие минуты начинаешь цепляться за жизнь, даже если она такая, как моя. Я посмотрел на дуло тридцать второго и спросил:

– Кто этот человек, Семмлер?

– Умница, Кеннон, – он улыбнулся, но продолжал держать тридцать второй наизготовку. Он подошел к столу, выдвинул ящик, порылся в нем и бросил на стол гляцевую фотографию.

– Вот он. Тот, кто мне нужен.

– Мертвым.

– Мертвым, – повторил Семмлер.

Я взглянул на фото. Это был моментальный снимок,

где был изображен какой-то парень. Типичный громила стойким лицом и набухшими веками.

– Мне нужны деньги, – сказал я.

Семмлер снова порылся в ящике стола:

– Здесь двадцать. Только не вздумай истратить их в соседнем баре. У тебя есть пушка?

– Нет.

Семмлер открыл другой ящик и швырнул на стол сорок пятый:

– Не надейся, обоймы в нем нет. Положи пистолет в правый карман.

Я сделал, как он велел, и Семмлер бросил на стол две полные обоймы:

– В левый карман, – приказал он.

– Я свяжусь с тобой...

– Это я свяжусь с тобой, – поправил Семмлер. – Где ты живешь?

Я снова взглянул на девушку. Она поправила платье и села. На ее покрасневших щеках отчетливо читались следы злобы Семмлера. Она взглянула на меня, и в ее глазах была немая просьба о защите.

– Лучше бы мне держаться подальше от отелей Бауэри, – ответил я. – Здесь есть местечко на Четырнадцатой линии. Отель «Пол». Я буду там.

Я даже не собирался взглянуть на этого парня. Отель «Пол» я назвал для блондинки. Мне хотелось побольше узнать обо всей этой вонючей интриге. Уве-

рен, что она запомнила название отеля, и если ее ответный взгляд что-то значит, она должна рано или поздно появиться.

Я купил пшеничного виски на четыре бакса из двадцати, выданных мне Семмлером, и растянулся на кровати, чтобы надраться как следует. Стук в дверь раздался раньше, чем я предполагал.

Пришлось поставить бутылку с виски, встать и приоткрыть дверь. Но передо мной была не давешняя блондинка. Я открыл дверь шире.

Передо мной стояла высокая девушка. Ее черноволосая головка находилась на уровне моих глаз, а я не из коротышек. На ней был облегающий свитер и юбка. Волосы у нее были длинными, а лицо, как с картинки. Я угадал в ней девушку из бедного квартала еще до того, как заметил хмельной блеск в ее глазах и понял затем, что она с окраины Бауэри и, должно быть, не так уж много времени прошло с тех пор, как она была одной из нас. Она вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша.

– Ты ошиблась комнатой, сестричка, – сказал я. – Я ничего не заказывал.

– Вы и не получите ничего, что бы ни заказывали, – ответила она. – Вы ведь Курт Кеннон, не так ли?

– Нет.

– Не заливайте. Слух уже прошел. Половина Бауэри знает, что вы забрались в эту дыру.

– Ты ошибаешься. Кеннон мертв.

– Думаешь, кто-нибудь поймался на этот крючок?

Тем более я?

– А почему «тем более» ты?

– Парень, которого убили – Джонни Маззини. Я знала его.

– Откуда?

– Я знала его до того, как он ушел под откос, и виделась с ним перед его последней поездкой. Мы с ним были очень близки.

– Предположим.

– Я знаю, кого убили. И я хочу знать, кто сделал это?

– Зачем?

– Как я уже сказала: мы были близки.

– С чего ты решила, что я знаю, кто убил?

– Что это у тебя, бутылка? – спросила она и подошла к кровати. А я смотрел, как туго натягивается юбка при каждом ее движении. Она была крупной девушкой, но при этом отлично сложена: длинные стройные ноги и в достатке всего, что обтягивал ее свитер.

Она взяла бутылку за горлышко, села на кровать и сделала длинный глоток.

– Приятель, это то, что мне было надо, – сказала она.

– Не стесняйся.

– Спасибо, – она глотнула еще, откинув голову назад. Когда она поставила бутылку, взгляд ее стал се-

рьезным. – Я хочу знать, кто убил Джонни.

– Ты запросто это узнаешь.

Она выжидательно наклонилась вперед:

– Кто?

– Чикагский подонок по имени Бак Графтон.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Если хочешь, сможешь рассчитаться с ним.

– Где его найти?

– Не знаю.

Она встала, одернула юбку и пошла ко мне, неторопливо покачивая всем, чем только могла.

– Ну же, Кеннон! Где мне найти его?

Она остановилась в трех дюймах от меня, ее губы почти касались моих. Она положила обе руки мне на плечи, подав бедра вперед:

– Где он? – переспросила она.

Я не ответил. Она еще ближе придвинула губы и бедра и прижалась ртом к моим губам, язык ее ожил. Я обнял ее тугое тело, и она прижалась ко мне, а потом, отодвинув губы и полуприкрыв затуманенные глаза, прошептала:

– Где он, Кеннон?

– Не знаю.

– Отлично, – произнесла она. – Отлично, – и начала высвобождаться из моих объятий, но я крепче прижал ее к себе, и в ее глазах появилось недоумение. Она подняла голову и изучающе заглянула мне в лицо.

– Я...

Но я заглушил ее слова, поцеловав. Казалось, она готова была бороться, но затем боевой дух покинул ее. Она прижалась ко мне, и на этот раз ее поцелуй был настоящим.

Уже смеркалось, когда она ушла. Половина бутылки была прикончена, и я чувствовал усталость и опустошение. Я думал о крепкой девушке и ее друге, который получил шесть пуль в лицо, потому что его по ошибке приняли за меня; Теперь схватки не миновать. Если в Бауэри знают, что я жив, то это знает и весь город. А если знает город, то может узнать и Бак Графтон. А как только он узнает, он опять вернется в Бауэри и первым, кого он навестит, будет свинья Свен. А если в Бауэри знают, где я нахожусь, то и свинья Свен может узнать. Он и мать родную продаст, чтобы спасти свою шкуру, и как только Бак Графтон на сядет на него, эта свинья тут же выложит ему, где меня найти.

Отлично.

Я выписался из отеля.

Я снял комнату в развалюхе тремя кварталами поодаль и затем попытался обдумать, что же меня ожидает. Я согласился выполнить грязную работенку для Чарли Семмлера. Замечательно. Однако соглашение с подонком... Этого ведь у нас не было? Беда лишь в том, что Семмлер может не разделять мою точку зрения. И как только он узнает, что я выехал из отеля, он,

возможно, пошлет за мной своих гангстеров. На этот раз они не будут столь сердечными.

В то же самое время Бак Графтон все еще сидит у меня в печенках, и это связывает меня по рукам. Может быть, проще всего – разыскать семмлеровского громилу, проделать в нем дырку-другую и оставить его мусорщикам? Я полез в карман и выудил фото, которое дал мне Семмлер, всмотрелся в глаза этого типа, пустые глаза убийцы. И тут меня осенила другая идея. И чем больше я обдумывал ее, тем больше я ценил то, что Семмлер снабдил меня сорок пятым. Потому что все это внезапно перестало казаться игрой. Внезапно я осознал, что парень, которого я будто бы отслеживаю, – это убийца, и если начнется схватка, если я иду за ним по пятам, то и он может тоже оказаться за моей спиной вместе с Семмлером и Графтоном.

Если бы у меня была трехсторонняя монета, я бы метнул ее. Но вместо этого я, перехитрив всех убийц, начиная с Бака Графтона, отправился навестить свинью Свена.

На этот раз толстяк не испугался. И страха в его широко раскрытых глазах больше не было. Он лежал за своей стойкой, и вся широкая грудь его пиджака была залита кровью. Убийца не поспешил. Он разрядил в Свена всю обойму, и пули разворотили его грудную клетку, оставив лужу крови там, где находилось нечто вроде человека.

Молва вырвалась на свободу. Молва достигла ушей Бака Графтона, и Свен заплатил больше, чем получил. Я взял телефон со стойки, набрал номер «О», попросил: «Дайте мне полицию» и сообщил об убийстве, не называя своего имени, затем положил трубку и ушел оттуда быстро, словно за мной гнались черти.

* * *

Осень – пора умирания.

Осенью мир умирает, и часть каждого человека умирает вместе с ним. Я шел по улицам Бауэри и разглядывал лица встречных бродяг. На них застыла тупая покорность, об угрызениях совести, казалось, говорили шаркающая походка и безвольно опущенные головы. Лето мертво, и скамейки в парке так холодны зимой. Лето мертво, и осень действовала широким ножом, запятнанным красным.

Но была и другая осень...

Тогда Тони была частью меня самого, и это было время, когда осень была живой. Долгие прогулки в лесу, где листья шуршат под ногами. Поцелуи обветренных губ... Белокурые волосы, в беспорядке развевающиеся вокруг ее лица... И улыбка в глазах, обещающая ее ласки... Осины и березы, и дикие яблоки, и долгий день на холмах, где весь мир лежит у наших ног, и ее

тело цвета слоновой кости в зеленой высокой траве...

А теперь остались только тяжесть сорок пятого, за-
ткнутого за пояс возле живота, человек по имени Граф-
тон и другой человек с глазами убийцы.

Я шел по Бауэри, потому что это самое безопасное
место в мире. Один бродяга неотличим от другого. Их
тряпки делают их анонимными. Все лица носят на се-
бе отпечаток пьянства, что делает их неразличимыми.
И вместе с тем, я устал от ходьбы. Кто-то хочет убить
меня. И ходьбой тут не поможешь.

Свинья Свен говорил что-то про угол Сорок седьмой
Бродвея. Когда Графтон разговаривал с ним, он спра-
шивал, как попасть туда. Разумеется, я не знаю, зачем.
Ресторан, театр, что-нибудь такое же привлекательное
для приезжего. Но это могло означать и отель – и это
был стоящий шанс.

Я ухватился за него и потратил большую часть из
двадцати семмлеровских баксов на такси, потому что
сильно спешил повидаться с мистером Графтоном.
А также потому, что это уменьшало возможность по-
встречаться с одним из парней, охотившихся за мной.
В сабвее и автобусах слишком людно. И если вы соби-
раетесь поиграть вдвоем с кем-нибудь в «продырявь
череп», то лучше туда не соваться.

Я пренебрег танцевальными залами Бродвея, кино-
театрами, дешевыми пассажирами и огромными магази-
нами, ресторанами и еще миллионом мест, которые

могли бы привлечь Графтона. Я отправился прямо в отели, гнездившиеся на Восточной сорок седьмой, как тараканы. Отели мало отличались друг от друга. Тусклая мебель, маленький стол, два лифта, потрепанная кушетка в вестибюле.

Я начал с первого, самого близкого к Бродвею, и продолжал двигаться к западу, вниз по улице. Дежурные клерки были не очень приветливы. Они оценивающе оглядывали мои покрасневшие глаза, небритое лицо, поношенную одежду и затем неохотно сообщали, что, к сожалению, Графтон здесь не числится.

Пройдя всю улицу до конца, я убедился, что больше отелей здесь нет. И в эту минуту я пожалел о прошлом, о большом агентстве, где я мог прибегнуть к помощи дюжины помощников, но я жалел об этом только секунду. Потому что вспомнил, что Паркер был одним из моих помощников – хороший оперативник, парень, которому я полностью доверял.

Остановившись у ближайшего бара, я опрокинул три двойных виски, а затем пошел назад на Четырнадцатую улицу к отелю «Пол».

Убедившись, что вестибюль пуст, я миновал его и прошел прямо к стойке. Клерк оторвался от своего журнала.

– Я выехал отсюда рано утром, – сказал я. – Не искал ли меня кто-нибудь за это время?

Окинув меня оценивающим взглядом, он спросил:

– Ваше имя?

– Кеннон.

– Кеннон... Минуточку, – он отвернулся и вынул небольшую пачку записок, выбрал из них одну, положил остальные на место и сказал:

– Да, молодая леди была здесь, хотела повидать вас.

Лицо его оставалось невозмутимым, но быстрый взгляд подсказал мне, что я хотел узнать еще до того, как задал вопрос:

– Она назвалась?

– Шейла. Только Шейла.

– Она сказала, где ее найти?

– Она оставила адрес здесь, – он протянул мне листок, быть может, успев в него заглянуть.

– Благодарю.

Я отправился на Восточную шестьдесят седьмую улицу. Прежде чем покинуть отель, я внимательно осмотрелся, а затем взял такси. Деньги, выданные Семмлером, таяли очень быстро, слишком быстро. Но мне надо было держаться подальше от толпы.

Водитель доставил меня точно по адресу, указанному на листке бумаги. Я заплатил ему, отсчитав на чай совсем немного. Большие чаевые – не очень разумная вещь, когда потом на оставшиеся монеты надо будет купить выпивку.

Дом был четырехэтажный с белым каменным вхо-

дом. Поднявшись по ступеням, я открыл входную дверь и снова взглянул на клочок бумаги.

Сорок вторая квартира.

Верхний этаж. Я взглянул на ряд почтовых ящиков, и глаза мои остановились на одном под номером сорок два. Аккуратная надпись на ящике сообщила мне фамилию девушки. Мак-Кейн. Шейла Мак-Кейн. Я нашел кнопку звонка и направился к внутренней двери. Она отворилась с легким гудением, и я вошел в прохладную, полутемную, заботливо убранную прихожую. Высокое каучуковое дерево росло в большой кадке, стоявшей как раз напротив двери. Зеркало в позолоченной раме висело на стене, под ним располагался мраморный столик на железных ножках.

Я начал подниматься по лестнице. Перила были начищены и отполированы. Пахло чистотой, и я подумал, знает ли хозяйка дома, кто въехал в сорок вторую квартиру? За это уютное респектабельное местечко, разумеется, платил Семмлер.

Поднявшись наверх, я нашел нужную квартиру и уже было собирался позвонить, как заметил уголок бумажки, торчавшей в двери. Я вытащил ее и прочел поспешно нацарапанные буквы.

«Кеннон. Я переодеваюсь. Входите и располагайтесь поудобнее».

Пожав плечами, я сунул записку в карман и толкнул дверь.

– Я здесь, – крикнул я, все еще не закрывая дверь. – Есть кто-нибудь дома? – и закрыл за собой дверь.

Первая пуля ударила в косяк в трех дюймах от меня. Я даже успел увидеть отлетевшую щепку, прежде чем бросился на ковер, другие три пули просвистели у меня за спиной. Не было слышно ни одного звука, за исключением легких хлопков, которые издает пистолет с глушителем. Низко пригнувшись, я рванул вперед, и тут же раздались новые хлопки. Еще три пули выбили из ковра клочки шерсти. Всего семь пуль. Пистолет пуст, если это сорок пятый. Я услышал щелчок обоймы, забитой в рукоять пистолета, где-то в глубине комнаты. В этот момент я прятался за большим легким креслом и мой собственный пистолет был у меня в руке.

В комнате стояла тишина, как в склепе.

– Отлично, Графтон! – крикнул я. – Продолжайте свою чертову игру!

И он продолжил свою игру. Две пули застряли в кресле, одна скользнула поверху.

– Я все еще здесь, Графтон, – сообщил я.

Он тоже все еще был здесь. Два хлопка, словно он причмокнул губами – прозвучали следом. Одна пуля задела кресло, ударив о пружину, которая издала жутковатый вой в безмолвии комнаты. Вторая – прошла так близко от меня, что я услышал ее свист и почти ощутил прикосновение ее металлической рубашки.

Пять пуль. Еще две, и ему придется перезарядить

пушку. Но может быть, и не придется. Это зависело от того, насколько точно он пошлет две оставшиеся.

– Давай, ублюдок! Стреляй получше!

Я распластался на ковре и ждал. Ничего не произошло.

– Ты сдаешься, Граф...

Я мог никогда не закончить эти слова. Пули пронеслись через комнату, как разъяренные шершни, две подряд. Они прошили кресло, и я опять услышал, как обойма выскользнула из сорок пятого моего невидимого противника.

Но я уже перебежал комнату. Он прятался за длинной софой, и я уже слышал щелчок новой обоймы, вставшей на место, когда бросился вперед.

Я добрался до него как раз в тот миг, когда он поднял свой пистолет, чтобы выстрелить, но глушитель делал оружие длинным и неповоротливым. Пистолет издал устрашающий хлопок, но я уже навалился на него, и мы покатались по ковру, переплетая руки, ноги и пистолеты. Я опустил свой кулак на его затылок и вырубил его на секунду. А затем он сжал мою руку с пистолетом и ударил меня коленом раз и другой. Огненная боль пронзила меня. И мы снова покатались, сцепившись, словно две креветки.

Я продолжал колотить его рукоятью пистолета, потом приставил дуло к его плечу, но он откатился в сторону и начал поднимать свое собственное оружие, ко-

гда я наступил ему на руку.

Пальцы его разжались, он вскрикнул, а я ногой откинул его пистолет в сторону и бросился на него. Он вновь ударил меня ногой, попав на этот раз в бедро. Он не причинил мне вреда, но я потерял равновесие и когда вскочил снова, он тоже успел встать и броситься к двери. Я прицелился, чтобы выстрелить в Бака Графтона, и в этот миг увидел его лицо.

Оно поразило меня.

Оно настолько удивило меня, что я не выстрелил, а когда пришел в себя, он был уже за дверью и его каблуки стучали, удаляясь вниз по лестнице.

Я сморгнул. Сунул пистолет за пояс и почесал в затылке.

Парень, который собирался изрешетить меня, сделав дырявым, как кусок швейцарского сыра, не был Баком Графтоном.

Это лицо я узнал бы где угодно.

Это было то самое лицо, увиденное мною на фото, которое дал мне Семмер.

Я прошелся по комнате, поднял пистолет с глушителем с ковра, подкинул его на ладони, подошел к закрытой двери и пинком открыл ее. Как я и предполагал, дверь вела в спальню, буйное сочетание атласных покрывал, парчовых занавесей и зеркальных стен. В комнате царил порядок. Щетка для волос и щетка для одежды были аккуратно вычищены.

Пара домашних тапочек с хорошенькими розовыми помпонами стояла у кровати. Я заглянул в стенной шкаф. Каракуль, серебристая норка и другие меха висели тесными рядами. За другой створкой – не менее дорогая одежда: скользкий соболь, вечерние накидки, лакированные туфли. Я подошел к комоду и открыл верхний ящик. Здесь лежали кружевные трусики, лифчики, новые домашние туфли. И каждая из вещей – с маленькими монограммами «Ш». И наконец на одной из стопок трусиков я нашел револьвер двадцать второго калибра с перламутровой рукоятью.

Я проверил его, он был заряжен. Я положил его обратно на трусики, закрыл ящик и вернулся в гостиную.

Пройдя на кухню, я обнаружил в раковине пару бокалов. В одном осталось немного шерри – на самом дне. На ободке другого – пустого бокала – сохранились следы губной помады.

На столе стояла пепельница. На двух сигаретах – следы помады. Третий окурок – чистый. Карандаш лежал по другую сторону пепельницы, быть может, тот самый карандаш, которым была нацарапана записка, найденная мной у входной двери.

Прелестная маленькая невинная Шейла Мак-Кейн.

Входи, Кеннон, я переодеваюсь.

Входи в мою гостиную. Быстрее!

Это был чудесный мир, где под каждым камнем прячется змея, а за каждым кустом – женщина. Беда лишь в том, что без этикеток вы не сможете отличить змею от женщины.

Я извлек обойму из пистолета с глушителем, выщелкал из нее патроны в унитаз и положил пустую обойму и пистолет на полочку в ванной. Чтобы уж быть до конца последовательным, я вернулся в спальню, вытряс пули из барабана двадцать второго с перламутровой ручкой, и затем нашел в выдвижном ящике коробку с патронами. Я сунул все это в карман и покинул ловушку для простаков Шейлы Мак-Кейн, вначале заботливо уложив двадцать второй обратно на его подушку из трусиков.

Я вышел на Третью авеню и подкрепился поздним ужином из хрустящего картофеля и нескольких стаканчиков пшеничного виски. Я побездельничал, посмотрел старый вестерн по телевизору в баре, пока большие часы на стене не показали восемь с четвертью. И я рассудил, что мисс Мак-Кейн должна уже вернуться домой, где бы она ни была все это время, и решил вновь посетить ее.

На некоторое время я отпугнул неизвестного, и я надеялся, что он еще не успел рассказать ей о нашей неудачной встрече.

Ее соседи, конечно же, ничего не слышали – из-за глушителя на сорок пятом. И вообще не только это де-

ло вело меня к ней.

Я не думал, что она ждет моего возвращения так скоро.

На этот раз я не стал заранее звонить во все колокола: нажал кнопку у входа, подождал, пока открылась внешняя дверь, и затем побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и пистолет я держал в руке.

Поднявшись к сорок второй квартире, я попробовал повернуть ручку, не сомневаясь, что дверь будет закрыта, но черта с два я буду звонить! Я отошел к противоположной стене и, разбежавшись, ударил в дверь плечом выше замка. Дерево затрещало, расщепляясь, и я, едва удержавшись на ногах, влетел в гостиную как раз тогда, когда Шейла выходила из спальни.

Шум встревожил ее, и она выбежала взглянуть, кто это ломится к ней. По-видимому, она только что вышла из-под душа, потому что белокурые волосы были мокрыми и на ней был белый махровый халат, на котором проступали мокрые пятна. Эти влажные пятна делали ее чрезвычайно привлекательной. Ее груди натягивали ткань, туго завязанный пояс на талии обрисовывал изгибы ее тела.

Увидев меня, она рванулась было в сторону спальни: халат запахнулся, обнажив ее ноги и показав длинную полосу белого крепкого тела. Но тут она вспомнила про пистолет в моей руке и медленно по-

вернулась ко мне лицом, и ее лицо стало таким же белым, как ее бедра. Я закрыл за собой дверь.

– Добрый вечер, – произнес я.

– Вы...

– Я жив.

– Я...

– Твой друг промазал, детка. Истратил две полные обоймы...

Ну и так далее...

– Чего вы хотите?

– Чтобы ты все рассказала. Все полностью, как есть.

Почему мистер Инкогнито хотел меня прикончить?

– Вы не знаете?

– Не знаю.

Какой-то хитрый огонек промелькнул в ее глазах. Она улыбнулась и сделала шаг вперед. Халат снова распахнулся, и я увидел снова ее белое тело, на котором мои глаза задержались чуть дольше, чем мне бы хотелось.

– Он... он узнал, что вы охотитесь за ним.

– Кто?

– Мой... друг.

– А кто твой друг?

– Тот, чью фотографию дал вам Семмлер.

– Как его зовут?

– Не знаю.

– Я думал, что он твой друг.

- Я имею в виду...
- Так он друг тебе или кто?
- Да, друг. Я встретила с ним немного раньше. Перед...
- Перед чем?
- Раньше!
- И ты не знаешь, как его зовут?
- Нет.
- Ну, это прямо детективная история с продолжением. Ты начни сразу с конца, где все объясняется.
- А что тут еще рассказывать? – спросила она, подошла к низкому столику и наклонилась за щеткой. Влажный халат распахнулся на груди, но длинные белокурые волосы опустились в открытый ворот, как занавес, временно щадя ее скромность.
- Где ты встретила его?
- Не здесь, не в этом городе.
- Где?
- Не здесь. Я... я в то время еще танцевала.
- Ты танцовщица?
- Экзотические танцы.
- Стриптиз?
- Если угодно...
- И ты в то время встретила его, не так ли?
- Да, – она закурила сигарету и выпустила длинную струю дыма.
- Почему Семмлер хочет его убить?

Она пожалала плечами:

– Просто хочет.

– Что связывает тебя с Семмлером?

– Я больше не танцую.

– И ты решилась на маленький заговор с этим громиллой, с которым встречалась прежде? Почему?

– Это мое дело.

– Ты с Семмлером дудишь в одну дуду, не так ли?

Почему же ты помогла этому типу подстроить мне ловушку?

– Потому что вы охотитесь за ним. Вы взялись за дело, и я подумала, что все равно найдете его.

– Перестань, детка. Семмлер вынуждал меня. И ты чертовски хорошо знаешь, что я не охочусь за твоим другом детства.

Она опять улыбнулась:

– Но могли и охотиться, – она поежилась и добавила:

– Мне холодно. Вы не возражаете, если я оденусь?

– Одевайся, – сказал я.

Она вошла в спальню, я за ней. Она встала за ширму в углу комнаты и сбросила халат.

– Чем должна закончиться сделка с Семмлером?

– Что за сделка?

– Он сказал, если я прикончу твоего друга детства, то он отправит Графтона следующим же самолетом в Чикаго.

– Не смешите меня, – я услышал шелест шелка –

Шелка, коснувшегося тела.

– А что в этом забавного?

– Семмлер никогда не держит слово.

– Это Графтон убил свинью Свена?

Он помолчала минутку и ответила:

– Я не знаю никакой свиньи Свена.

– Почему Графтон не взялся за это мокрое дело?

Семмлер знал, что он в городе. Почему он нанял бродягу вроде меня?

– Вы не очень догадливы, Кеннон, как я вижу. Отвернитесь, мне надо выйти.

Я повернулся лицом к стене, и она вышла из-за ширмы. Стена, к которой я отвернулся, была зеркальной, я знал это. И я чертовски хорошо знал, что она тоже знала. На ней был лифчик и трусики, шелковые чулки с подвязками и туфли на высоком каблуке.

На левой стороне трусиков была монограмма «Ш», такая же, как и на правой стороне лифчика. Она прошла по направлению к шкафу, сначала сделав вид, что забыла про зеркало. Потом ее рука прикоснулась к орту как бы от удивления. Она попыталась прикрыть грудь, затем скользнула к трусикам, узенькая полоска которых, собственно, не скрывала ничего. Якобы в отчаянии она рванулась к комоду, рассчитывая на то, что я подумаю, будто она стремится поскорее одеться. Я знал, к чему она стремится на самом деле и позволил ей добраться до этого.

И он появился в ее руке: револьвер с перламутровой ручкой двадцать второго калибра.

Ее губы скривились, изо рта вырвался легкий торжествующий крик.

– Может, он промазал, но я-то не промахнусь, Кеннон.

Я медленно повернулся. Теперь она больше на заботилась о скромности. Ее белье было совершенно прозрачным, и она могла бы хоть сейчас выйти на сцену со своим «экзотическим» танцем.

Я спокойно наблюдал это представление, потому что знал, что двадцать второй в ее руке опасен почти так же, как барашек.

– Ты все еще думаешь, что я преследую его?

– Да, я все еще думаю так.

– Значит, для тебя это очень важно?

– Тому есть всякие причины. Тебе их не понять. Я оказалась в петле и думала, что наконец найду кого-нибудь еще, кто сможет противостоять этой свинье Семмлеру. Я думала, что ты сможешь, но ошиблась. Тебя просто наняли, купили как оружие.

– Ты сказала «кто-нибудь еще». Есть кто-то другой, кто выступил против Семмлера? Это тот парень, которого я обязан был убить? Тот, чье фото мне показали?

Она улыбнулась и подняла двадцать второй. Я улыбнулся ей в ответ.

– Есть много вещей, которых ты никогда не узнаешь,

Кеннон... Очень жаль.

Я продолжал улыбаться:

– Чего тебе жаль?

– Того, что ты никогда не узнаешь. Действительно жаль.

– Действительно...

Револьвер выстрелил. Я услышал звук, и изумление отразилось на моем лице, потому что мне никогда не пришло бы в голову, что она может перезарядить револьвер, пока меня не было. Изумление пришло раньше боли, которая пронзила мое плечо. А затем револьвер выстрелил еще, и еще, и еще. Я упал на ковер, и кровь брызнула из моей руки и груди.

Последнее, что я увидел, ударившись о пол, – маленькая буква «Ш» в углу трусиков Шейлы и ее длинные стройные ноги. Она пробежала мимо меня, прежде чем надо мной сомкнулась темнота.

* * *

Это был длинный туннель.

Холодный и длинный туннель, и по стенам его ползли слезы. И в конце туннеля была блондинка. Она выглядела точно так же, как иногда Тони, и в то же время в ней было что-то от Шейлы Мак-Кейн. Я полз по направлению к блондинке, а слезы на стенах туннеля

превращались в капли крови. Я полз, и каждый раз, как я оказывался возле нее, появлялся Паркер и оттаскивал ее дальше, все дальше и дальше.

Стены смыкались, туннель становился все более черным, холодным и мокрым. Затем блондинка вернулась. Ее волосы развевались, как языки пламени, и я опять пополз, пока Паркер не вернулся и не начал смеяться, хохотать, хохотать и хохотать. Волосы таяли, растворялись и исчезали. Меня поглотила темнота.

– Господи!

Голос исчезал в длинном черном туннеле и эхом отражался от стен. Я догнал блондинку, и она повернулась.

– Тони, – прошептал я. – Тони!

– Какой ужас! – кто-то приподнял меня за плечи. Пальцы были крепкие, и моя голова упала на что-то мягкое. Я почувствовал, как мои каблуки скребут темный дерн туннеля, потом они ударились обо что-то еще и еще раз, и я понял, что меня тащат вниз по лестнице. Уличный шум ударил мне в уши, я почувствовал нестерпимый запах бензина и услышал визг автомобильных тормозов. Хлопнула дверца, я оказался на чем-то мягком, и ветерок дул мне в лицо.

Затем я почувствовал, как меня осторожно подняли и подо мной оказался матрас, и, открыв затем глаза, я увидел лицо Профессора.

– Потерпи, Курт, – сказал он.

Я закрыл глаза, и к голосу Профессора присоединился еще один голос. Я узнал его... Он принадлежал девушке, чей друг был убит, получив предназначенные мне пули давным-давно – миллион лет назад.

– Он очень плох, Профессор?

– Очень. Четыре пули – это всегда очень плохо.

Профессор был еще одним бродягой, таким же бродягой, как и я. Некогда он служил химиком в большом концерне по производству лекарств – до тех пор, пока не пристрастился к материалам, с которыми работал. Он сидел на героине почти два года, прежде чем его вычислили и вышибли под зад. Он плыл по течению, пока не причалил к берегу, на котором оказывается рано или поздно всякий бродяга.

Склонившись надо мной, он потрогал мое плечо длинными тонкими пальцами. Затем посмотрел через толстые очки, поскреб щетину на подбородке и спросил:

– Ты слышишь меня, Курт?

Я кивнул.

– Хорошо. Кто бы ни вlepил это, сделано чистенько. Как в мишень. Все пули вошли рядышком. Думаю, кость не задета. Я не уверен даже, что все пули застряли в тебе. Ты слышишь меня, Курт?

– Слышу, – пробормотал я.

– Хочешь, чтобы я вытащил их?

– Это должен сделать доктор, – сказала девушка.

– Знаю, Бет, – ответил Профессор. – Ты хочешь врача, Курт?

– Ты сам сможешь сделать это?

Профессор развел руками:

– Это твое плечо, Курт.

– Достань их, – попросил я.

Несмотря на кружку вина, которую подала мне Бет, это не было забавно. Вино затуманило мозги и притупило боль, но и вино не всемогуще. Электрическая лампочка раскачивалась над моей головой, и тень Профессора скользила по стене, как черный призрак. Я держал губами горлышко бутылки, делая всякий раз, когда Профессор начинал копаться во мне, большой глоток.

Я глотал дешевое вино, и оно стекало в шахту моего желудка и вращалось там и сгорало, а испарения его проникали мне в голову, превращая тени и раскачивающуюся лампочку в какую-то картинку, словно бы нарисованную Дали.

Профессор парил надо мной, и его очки сверкали, отражая электрический свет. Дыхание его было едким, и в нем чувствовался тошнотворный сладковатый запах наркотика. Я пытался сосредоточить взгляд на щетине, что покрывала его лицо, смотрел, как капли пота скользили по его вискам, по скулам и по тяжелому подбородку. Мои руки сжимали горлышко бутылки, и я делал очередной глоток, чувствуя, как огненный нож про-

никает в мое плечо. Я стиснул зубы, сдерживая себя, комната завертелась, и остались только боль в плече, дыхание Профессора и девичий голос, который повторял снова и снова:

– Скоро это кончится, Курт. Скоро кончится...

А затем боль внезапно отступила и что-то стянуло мое плечо... Я открыл глаза и увидел, что Профессор разматывает широкий бинт, перевязывая плечо и предплечье.

– Все хорошо, Курт?

– О'кей, – пробормотал я.

– Покажи ему, Бет! – попросил Профессор.

Бет. Высокая девушка по имени Бет. Она раскрыла ладонь, и я увидел пули на ее ладони.

– Двадцать второй калибр, – отметил Профессор.

– Кто это сделал? – спросила Бет.

– Одна баба.

– Почему?

– Я сам все еще пытаюсь понять – почему?

– У тебя для этого будет много времени, Курт, – заметил Профессор.

* * *

Она осталась со мной. Вместе со мной она ждала, когда заживет плечо день за днем, до тех пор, пока я не

почувствовал, что схожу с ума, лежа на этой кровати.

– Они думают, что на этот раз ты действительно умер, Курт. Рассказывают, что тебе всадили четыре пули прямо в сердце.

– Девица должна была подумать именно так, – сказал я.

– Шейла Мак-Кейн.

– Как ты узнала, Бет?

– Пошла в отель «Пол». Спросила клерка, где ты. Он ответил, что ты выписался неизвестно куда. Потом он вспомнил, что приходила эта Мак-Кейн и что он дал тебе ее адрес. Он решил, что я смогу найти тебя там. Он запомнил адрес. Она, должно быть, красотка, эта сука Мак-Кейн.

– Красотка, – сказал я. – А что у тебя были за новости?

– Я отыскала Графтона.

– Где?

– В клоповнике на Восточной сорок седьмой...

Я покачал головой:

– Нет, прошел все, что там есть, и...

– Он записался под другим именем. Мне сказал об этом один знакомый парень. Но я узнала гораздо больше.

– Например...

– Например, Графтон приехал в Нью-Йорк не только затем, чтобы рассчитаться с тобой.

– Тогда зачем же?

– По делам большого синдиката. Как я узнала, они расширяют свое влияние. Больше ничего выяснить не удалось. Мой знакомый держит язык за зубами.

Я сел на кровати:

– Что?!

– Я сказала...

– Слышал, – я привлек ее к себе. – Детка, думаю, что это и есть причина. В этом-то все дело!

Я прижал ее губы к своим, и ее тело ожило в моих руках.

– Курт... твоё плечо. Так ты никогда не выздоровеешь.

– Детка, я уже здоров. Я уже чертовски здоров. Выйди-ка отсюда, пока я натягиваю штаны.

Бет улыбнулась.

– Зачем? – спросила она.

Я чуть не избил ее, чтобы заставить остаться дома. Мне не хотелось, чтобы Бет ехала со мной, потому что я предвидел драку и не хотел, чтобы девушка оказалась в ее гуще. Она рассказала, что мне было нужно, и я направился в отель «Грин», клоповник на Восточной сорок седьмой улице, где остановился Бак Графтон. Я спросил у дежурного, где его комната. Он записался под именем Боба Гормана, и дежурный указал мне на номер триста тринадцатый.

Сорок пятый все еще был со мной, и на этот раз я

держал его наготове. Сейчас у меня на руках были все козыри, потому что я знал суть всего происходящего — знал все полностью. Я быстро взбежал по лестнице и постучал рукоятью пистолета в дверь триста тринадцатого.

— Кто там? — голос звучал знакомо, но я не мог вспомнить его, да и на обдумывание не было времени.

— Посыльный, сэр.

— Минутку.

Дверь слегка приотворилась, но этого было достаточно. Толкнув, я широко распахнул ее и вошел в комнату с сорок пятым наготове. И застыл, как мертвый, глядя на дуло направленного в меня револьвера. Это было знакомое оружие. Последний раз я видел его в комнате, заставленной книгами от пола до потолка. Револьвер держал в руке господин с пепельными волосами, который чертовски сильно хлестал по щекам блондинку, лежавшую на ковре. Теперь тот же самый господин целился в меня из тридцать второго. Его звали Чарли Семмлер.

— Брось его, Кеннон, — приказал Семмлер.

Я выронил мой сорок пятый на пол. Семмлер осторожно поднял его и затем пинком закрыл дверь.

— Ну что? — спросил я. — Ты опередил меня, Семмлер?

— У тебя была уйма времени, Кеннон. Обещание...

— Ложное обещание. Но в таком случае и все вооб-

ще ложно, не правда ли? – я посмотрел на громилу, связанного в кресле у окна. – Как, скажем, наш друг, парень с фотографии, которого ты хочешь прикончить.

Семмлер улыбнулся:

– Так ты все знаешь, Кеннон?

– Знаю, конечно. Это потребовало времени, я немалый тугодум. Но теперь я знаю, хотя должен был наводиться в заблуждении с самого начала. Ты показал мне фотографию, но скрыл имя. Теперь я знаю его. Парень на фотографии и Бак Графтон – один и тот же человек, – я взглянул на Графтона, который пытался освободиться от пут, удерживающих его на стуле. Кляп у него во рту был плотным, и он мычал что-то нечленораздельное.

Семмлер кивнул:

– Бак Графтон.

– Но почему я? – спросил я. – Почему ты выбрал именно меня? У меня есть на этот счет свои собственные догадки, но они могут быть неверными.

– Ну-ка давай послушаем.

– Ладно. У тебя были все шансы скатиться сверху вниз. Ты узнал, что в городе появился Графтон и что синдикат Чи задумал сделать перестановку. Это ставило тебя в опасное положение, и ты решил убрать Графтона со своего пути. Ты узнал, что меня как будто бы нашли мертвым, и послал двух или трех своих мальчишек посмотреть, нельзя ли найти улики против Граф-

тона. Они, по-видимому, находились у входа в отель в машине, когда я подкатил, чтобы прокачать свинью Свена. Они узнали меня и позвонили тебе, сообщив, что я жив. Ты велел им взять меня, потому что внезапно тебе в голову пришла идея получше.

– Что за идея, Кеннон?

– Поручить это дельце мне. Рассказать Графтону, что я все еще жив с тем, чтобы он отправился в Бауэри, и в то же самое время приказать мне найти его. Я убиваю его, и это избавляет тебя от хлопот с полицией. И одновременно предупреждает любые возможные отклики в Чикаго. Графтон приехал сюда, чтобы убить Кеннона. Отлично. Кеннон убрал его первым. Твои руки остаются чистыми.

– Верно, – кивнул Семмлер. – Все так. Но сука...

– Но сука втюрилась в Графтона. Она догадалась, что я вышел на охоту, и поэтому поставила ловушку, чтобы вывести Графтона из-под удара и в то же самое время позволить ему сдержать обещание, которое он дал Бенни Мэллоу в тюрьме. Когда ловушка не сработала, она попыталась сама сделать дело – и была чертовски близка к успеху...

– Она уже ничего больше не сделает, Кеннон. Она теперь в мешке с цементом на дне Ист-ривер.

– Вы нашли ее?

– Не ранее, чем сегодня. Она упорхнула из клетки после того, как выстрелила в тебя, и мы поймали ее

нынешним утром. Графтон, по-видимому, должен был бежать вместе с ней, но здесь его задержали кое-какие дела – поручения Чи. Я избил ее до полусмерти, и она призналась мне, что застрелила тебя ради Графтона и он теперь в безопасности. Это был полный облом, и я решил сам закончить это дерьмовое дело, и черт с ним, с Чикаго!

– Ну что ж, делай, – сказал я. – Вот тебе – Графтон. Разделайся с ним сам.

– Зачем? Ведь ты, кажется, все еще жив, Кеннон.

– Ты хочешь, Семмлер, чтобы я поставил последнюю точку? – я едва усмехнулся. – И ты не побоишься дать мне в руки оружие?

Семмлер усмехнулся в ответ, взвешивая на ладони мой сорок пятый. Он выкинул из барабана своего тридцать второго на пол патроны, оставив в револьвере лишь один.

– Возьми вот этот, – сказал он. – А я подержу пока твою пушку. Повернись-ка лицом к Графтону.

– Храбрый ты парень, – заметил я. – Ты держишь меня на мушке сорок пятого, а мне оставил лишь одну пулю в тридцать втором. Не уверен, что я не наделаю глупостей?

– Верно, Кеннон.

– Отлично, дай мне этот чертов револьвер, – мне не терпелось взять оружие в руки, и я даже был готов выстрелить в ту же секунду, как только мой палец ляжет

на спусковой крючок. Но Семмлер заметил выражение моих глаз и опять усмехнулся.

– Под курком – пустой патронник на тот случай, если ты попытаешься выкинуть фокус...

Это означало, что выстрелить сразу мне не удастся и придется сделать холостой щелчок, и лишь после второго нажатия на спуск барабан повернется, подставив патрон под курок. Но нажать второй раз Семмлер мне не позволит.

– Я стою как раз за твоей спиной, – продолжал Семмлер, – чтобы быть уверенным, что ты выстрелишь именно в Графтона.

Не дав мне повернуться, он подал револьвер, стоя позади меня. Я покрылся потом, поняв, что буду следующим после Графтона. Семмлер, разумеется, не отпустит меня живым, чтобы я не проболтался копам или людям из чикагского синдиката. Я взял тридцать второй, раздумывая, что смогу сделать с одной вшивой пулей.

– Но я должен свести с ним счеты, Семмлер, – сказал я. – Ты ведь помнишь, что этот подонок собирался убить меня?

– Помню.

– Ты не против, чтобы я немного потешился?

– Я все еще на твоей стороне, Кеннон.

Я двинулся к Графтону, привязанному к стулу. Его глаза округлились, он попытался закричать, но кляп за-

глушил крик.

– Почему ты не остался в Чикаго, тупой ублюдок? – спросил я, заносся кулак и опустив его на лицо Графтона. Он попытался увернуться, но удар достиг цели. Семмлер рассмеялся. Я подошел поближе к стулу:

– Почему ты не остался там? – и опять ударил его. Он затряс головой, а я подступил вплотную к стулу так, что моя нога находилась возле одной из его ножек.

– Ну давай, Кеннон, – поторопил Семмлер, – приканчивай его.

– Еще разок, – попросил я. – Еще разок, чтобы ублюдок что-то почувствовал, прежде чем отправится на тот свет. Еще разок, как прощальный поцелуй! Вот тебе, Графтон! – я поднял над головой тридцать второй, готовясь опустить его на лицо Графтона. Одновременно я пнул ножку стула и тут же со всего маха ударил Графтона по голове. Стул завалился на бок, увлекая Графтона за собой. Я рванулся, словно пытался удержать стул, и тут же оказался на полу с тридцать вторым, направленным в голову Семмлера.

Все произошло так быстро, что улыбка не успела сойти с его лица. Он смотрел в дуло тридцать второго, и улыбка сползла с его лица до того, как я нажал на курок. Пуля вошла ему между глаз. С лицом, залитым кровью, он осел на пол. Сорок пятый поднялся в его руке, но пуля ушла в сторону, и я услышал возле себя глухой стон. Я обернулся и увидел розовый цветок, распу-

стившийся на груди Графтона и заливший кровью близну его рубашки. Он вскрикнул еще раз и обмяк в путях, удерживающих его на упавшем стуле.

Я посмотрел в мертвые глаза Графтона, уставившись в потолок, затем взглянул на сорок пятый в руке Семмлера.

Наверняка его отпечатки пальцев смазали мои, которые могли остаться на пистолете. И это был тот самый пистолет, который он дал мне тогда и который, несомненно, был зарегистрирован на его имя. Я взглянул еще раз и слегка усмехнулся, стер отпечатки моих пальцев с тридцать второго, отвязал Графтона, перевалил его на пол и положил револьвер перед ним. Я выбежал, как угорелый, через пожарный выход, спустился по лестнице и выскочил из здания. Уже на улице я услышал приближающийся вой сирены. Я не стал дожидаться.

Пусть разбираются сами.

* * *

Я не вернулся туда, где ждала меня Бет. Она писала объявления в газеты, что ждет, но пусть лучше все остается так, как есть. Она хорошая девушка, замечательная девушка, но ее соперницей был призрак, а призраки, единственные из всех, никогда не умирают

осенью.